

Шел парнишке в ту пору восемнадцатый год

С пожелтевшей послевоенной фотографии смотрит brave пограничник Михаил Овчинников. Чуть вздернутый нос и зажатая в уголках губ улыбка выдают задиристый и веселый характер. Вот только в глазах отражается какая-то затаенная боль. И сегодня есть отчего болеть душе 91-летнего ветерана. И есть чем гордиться...

- Мне тогда исполнилось 17. Формировались мы в сборном пункте в Тюмени. Ноябрь 43-го изрядно поджимал морозами, а я – в лаптях. И лапти только-только перед призывом куплены, и онучи новые – все добротное, вятское. Даже как-то жалко было оставлять, меня на уставные армейские сапоги.

Везение или чудо?

Путь в Ленинград рядового Овчинникова лежал через Ладугу. Дорога жизни оставалась единственной артерией, поддерживающей жизнь в осажденном городе.

В кузове полуторки было 15 человек – кто возвращался на фронт после ранения, кто впервые приближался к зоне боевых действий. Машина попала под авианалет. Рев самолетного мотора, надрывный шум на всей скорости мчащейся машины, взрыв впереди, куски летящих глыб льда, столб воды – и грузовик мгновенно ушел под лед.

- Я с детства на реке, поэтому, наверное, не растерялся, задержал дыхание и вынырнул среди плавающих льдин, отчаянно барахтаясь в этом крошечке, цепляясь за кромку майны, – вспоминает ветеран.

Быстро намокал ватный бушлат, вода заливалась в сапоги, утягивая под воду. То ли сапер, то ли связист, оказавшийся неподалеку, бросил кусок кабеля. Намертво сцепились пальцы на спасительной проволоке. «Жив!» – была первая мысль. А фары утонувшей машины еще долго светили в воде, как две поминальные свечи...

Медсестра Анюта

Прорыв блокады, наступление в направлении Пскова. Здесь был тяжело ранен минными осколками в ноги, было задето и лицо. Придя в сознание, стал ощущать сначала голову, густо залитую кровью. Попытался встать и почувствовал: ног-то нет! Тут подползла к нему медсестричка, оттащила в воронку, быстро перемотала голову и перетянула ноги выше ранения. Сама двинулась под обстрелом к другому раненому. Сквозь грохот услышал Миша, как громко вскрикнула его спасительница. Подтянулся к краю воронки и увидел девочку, иссеченную осколками.

- Откуда что взялось, рванулся к ней, ноги волоча. Сразу понял, что раны ее смертельны. Только и успел имя спросить. «Анюта», – прошептала она, умирая. С тех пор «Медсестра дорогая, Анюта» – самая любимая его фронтовая песня. После лечения

вернулся в строй. Был причислен к 286 батальону 13 отдельной бригады правительственной связи НКВД.

Медаль спасла

На коммутаторном пункте постоянно должен был находиться оператор. По нужде отойти и то нельзя без разрешения. Во время такого дежурства прямо над расположением части завязался воздушный бой. Один из краснозвездных истребителей был подожжен. Летчик на парашюте приводнился в холодное апрельское разлившееся озеро метрах в 200 от коммутационного пункта. Купол парашюта накрыл летчика, не давая ни дышать, ни плыть. И от берега недалеко, но глубоко, на глазах рядового Овчинникова гибнет летчик. Тогда, нарушая приказ, покидает свой пост связист, подбегает к топкому берегу, пытается в воду лезть и слышит голос тонущего: «Не смей, солдат, оба утонем». Выручила вятская смекалка. Рядом стоял сгоревший танк, на гусеницы которого была намотана колючая проволока. Стал солдат ломать эту проволоку, руки себе изранил, но оторвал подходящий кусок. Зацепил шипами парашют, стащил его с летчика и притянул к берегу.

- Как зовут? Где воюешь? – спросил спасенный летчик, отстегивая лямки парашюта. Погоны на нем полковника. Планшет раскрыл, карандаш достал. Но, понимая, что за эти 15-20 минут отсутствия наказания не избежать, связист только рукой махнул горестно и побежал к месту дежурства. Слышит сзади: «Стоять! Кто такой?». Назвался Миша Овчинников, а навстречу уже сослуживцы. Взяли парня под арест. За нарушение устава, невыполнение приказа, как минимум, – штрафбат, а то и расстрел. Наутро перед строем выводят провинившегося. Комбат начинает зачитывать обвинительный приказ. Тут лихо подлетает «эмка» с соседнего аэродрома. Прочел командир донесение и растерялся: в пакете – представление рядового Овчинникова М.В. к медали «За отвагу».

- В эту медаль, прямо в кружочек, и угодила как-то пуля шальная, – удивляется до сей поры Михаил Васильевич. – От удара опрокинулся я на спину, стал ощущать себя. Боль страшная, а крови нет. Прикоснулся к медали, а она вся искорежена. Так и носил ее до окончания службы...

Дальше – Прибалтика.

- Здесь было в основном хуторское хозяйство. Попросишь, бывало, у хуторян чего-то съестного, а в ответ на ломаном русском языке: «Что же вас Сталин так плохо кормит?». Плюнешь да уйдешь. А вот «старички» умели с ними «договариваться». Простой вопрос: «Оружие в доме есть? Покажи сарай!» – и вынесут хозяйка, смотри-ка, и хлеба, и молочка, и сала.



■ - Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!

Шнеллер!

Припоминает ветеран еще один эпизод из фронтовой жизни. Было это в Прибалтике, близ Либавы. В ходе стремительного прорыва вражеского фронта передовыми штурмовыми отрядами в тылу часто оставались довольно крупные подразделения фашистов. Иногда до почти полноценной роты. До подхода наших основных сил скрывался враг в лесах, прорываясь к своим. В плен тогда тоже сдавалось фашистов немало. Вот на такую группу и наткнулись однажды группа связистов, еле успевавшая за фронтом. В суматохе даже и не поняли сразу, что разоружены и связаны немецкими егерями. Двое только и остались живы – Михаил Овчинников и его сослуживец узбек Шафаров. Поняв, что попали к ним в руки рядовые, полезной информации не знаящие, немецкий офицер приказал отвести в лес поглубже и расстрелять. Конвоировали пленных двое егерей в маскхалатах. Подвели к траншее. Повернулись наши ребята спинами к врагу, попрощались друг с другом, а сзади слышат: спор идет между конвоирами. Потом выстрел – и тишина. Оглянулись с опаской, а немец ножом пути их разрезал и указал рукой направление: «Туда бегите! Шнеллер!»

- Ну, это слово мы знали. Стриганули так, что земля из-под сапог летела.

На границе

К окончанию войны многих бойцов стали перебрасывать на Восток для укрепления русско-японской границы.

- Страшнее и опаснее там оказалось, чем на передовой на западе, – вздохнул пограничник. – С Японией то были в состоянии войны, но паритет нашей стороной соблюдался строго. А вот японцы провокации устраивали постоянно. Скольких ребят их снайпера положили... Там же окопов нет, там ты в полный рост, на виду у работающих на полях корейских да китайских крестьян границу обходишь патрулем. В одно и то же время. То, что внутри себя испытываешь напряжение, показать не смей. Хотя знаешь точно, что держит тебя на мушке самурай в засаде и не промахнется при удобном случае. Вот так и служили живыми мишенями.

- А потом стали прибывать регулярные войска с мощным вооружением, «ястребки» наши в небе залетали. За 29 дней самураев разгромили! Хотя японец – воетка хитрый, ловкий, духом силен. Но и нас

уже было не остановить, – покрепчал голосом фронтовик.

- Через Сахалин и Аляску, с тыла, могли бы и по Америке, как по Германии, пройти! – вставляю я свою шутку.

Рассмеялся старый солдат:

- Да был бы приказ! Столько силы в себе чувствовали и уверенности, – но тут же и погрустнел: – Нет, домой хотелось очень...

А в 1948-м повезло, наконец, и в этом. За поимку диверсанта, проявленную смекалку и храбрость получил долгожданный отпуск на 42 дня. Столько радости, сколько восторгов было в деревне!

Подарок от маршала

Как-то собрался отпускник с приятелями на рыбалку. А дорога вела через соседнюю деревню. Возле сельсовета – группа людей в военной форме и гражданские. Мать честная, да это же маршал Конев! По портретам узнал его Овчинников. Оказалось, в этой деревне Конев председателем колхоза был брат маршала. Подошел, отдал честь, доложил по уставу.

- А я ведь под вашим командованием фашиста бил! – не удержался Михаил. Заговорили.

- А на гармони не играешь? – спрашивает маршал.

- Отчего же, можно! – не стал скромничать солдат. И ведь знал любимую песню командующего! «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!» – на подъеме пел гармонист. Растрогался маршал и подарил ему гармонию. До сей поры она жива и в хорошем состоянии.

Победители

Только в 1950 году демобилизовался и вернулся домой brave пограничник.

- Девоч – прямо в три ряда, выбирай любую! А женился на Марте, со школы ее знал. Она от всех «посетителей» на печке за трубой пряталась, а меня дождалась! – гордится ветеран. – Когда приехал в Качканар, тут только еще строиться все начиналось. Работал столяром, редкий дом без моих рук построен...

Надев пиджак с наградами, взял Михаил Васильевич гармонию, огладил ее ласково да и запел песню про медсестру Анюту. Слушал я его и думал: нет такой силы, чтобы сломала этих Теркиных да Овчинниковых, всех наших фронтовиков и тыловигов. И нет во всем мире равных по славе нашим победителям!

Василий Верхотуров